

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2010
XIX**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
607
EXPRESS-ISSUE**

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Т о м Х I X

Экспресс-выпуск • Express-issue

2010 № 607

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 1923-1928 Китайский период жизни
Александра Николаевича Карамзина (1850-1927).
Е. Э. ШЕРГАЛИН, А. В. ДАВЫГОРА
- 1928-1929 Александр Николаевич Карамзин †.
Н. А. БАЙКОВ
- 1930-1935 Даурская ласточка *Hirundo daurica*
в Маньчжурii. А. Н. КАРАМЗИН
- 1935-1943 Дорастание гнездового наряда и постювенальная
линька обыкновенной каменки *Oenanthe oenanthe*
на северном пределе ареала.
В. Н. РЫЖАНОВСКИЙ
- 1943 Материалы по питанию филина *Bubo bubo*
в Южном Приморье. Н. Н. ПУГАЧУК
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XIX
Express-issue

2010 № 607

CONTENTS

- 1923-1928 Chinese during the life of Alexander Nikolaevich Karamzin (1850-1927).
E. E. SHERGALIN, A. V. DAVYGORA
- 1928-1929 Alexander Nikolaevich Karamzin †.
N. A. BAIKOV
- 1930-1935 The Daurian swallow *Hirundo daurica* in Manchuria. A. N. KARAMZIN
- 1935-1943 Additional growth of juvenile feathers and postjuvinal moult in the northern wheatear *Oenanthe oenanthe* in northern limit of the range.
V. N. RYZHANOVSKY
- 1943 Materials on food of the eagle owl *Bubo bubo* in Southern Primorie. N. N. PUGACHUK
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S.-Petersburg 199034 Russia

Китайский период жизни Александра Николаевича Карамзина (1850-1927)

Е.Э.Шергалин¹⁾, А.В.Давыгора²⁾

¹⁾ Мензбирское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

²⁾ Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: davygora@esoo.ru

Поступила в редакцию 22 сентября 2010

Имя Александра Николаевича Карамзина (1850-1927) в представлении орнитологам не нуждается. Автор знаменитой основополагающей работы «Птицы Бугурусланского и сопредельных с ним частей Бугульминского, Бузулукского уездов Самарской губернии и Белебейского уезда Уфимской губернии» и внучатый племянник знаменитого русского учёного и писателя Николая Михайловича Карамзина (1766-1826) в последнее время привлекает к себе всё большее внимание краеведов и историков науки. О его жизни и работе в Оренбургском крае уже было опубликовано несколько работ (Кабанова 2000; Рускин 2005). В то же время о жизни и работе А.Н.Карамзина в эмиграции не известно практически ничего. Мы попытались восполнить этот досадный пробел и выражаем искреннюю признательность Иву Франкьену, сотруднику Музея русской культуры города Сан-Франциско, и хабаровскому краеведу Евгению Владимировичу Новомодному за проведение архивных поисков и предоставленные материалы.

Ив Франкьен во время просмотра переписки 1960-х годов между Анатолием Степановичем Лукашкиным и Татьяной Николаевной Гагиной (и её мужем Василием Николаевичем Скалоном) в архивах Музея русской культуры обнаружил весьма интересное письмо от 12 апреля 1965, в котором Анатолий Степанович поделился некоторыми сведениями о русских орнитологах в Маньчжурии.

Вот что пишет Анатолий Степанович Лукашкин в этом письме об Александре Николаевиче Карамзине: «А.Н.Карамзин. Я его никогда не встречал. Он попал в Харбин с беженской волной уже очень пожилым и больным человеком. Был в парализованном состоянии и самостоятельно передвигаться не мог. В летние дни его помещали на веранде (он имел каких то родственников) и здесь он наблюдал за жизнью даурских ласточек и свои наблюдения изложил в небольшой статье, помещённой в первом выпуске «Трудов ОИМК*» по зоологии в 1927 году. Александр Николаевич собирал птиц в России для профессоров Мензбира и Сушкина. Скончался он 24 сентября 1927 года в

* ОИМК – Общество изучения Маньчжурского края.

Харбине. Краткий некролог о нём написал Н.А.Байков и он предшествует статье Карамзина в том же выпуске Трудов».

Ниже мы полностью публикуем этот некролог Николая Аполлоновича Байкова (1872-1958) и, видимо, последнюю орнитологическую статью Александра Николаевича Карамзина, посвящённую даурской ласточке. Примечательно, что орнитолог вёл эти наблюдения уже будучи глубоко больным человеком, разбитый параличом и по сути прикованный к постели.

Александр Николаевич Карамзин

У Александра Николаевича Карамзина и его супруги Екатерины Васильевны Карамзиной-Хотяйницовой было шестеро детей: Николай (25 июня 1879 – ?), Сергей (10 июня 1883 – 25 декабря 194?), Татьяна (12 января 1887 – ?), Василий (24 ноября 1885 – 30 июня 1941), Софья (2 февраля 1889 – 9 марта 1905), Александр (21 января 1893 – 8 февраля 1971). Ещё один сын Василий умер в детстве.

Сыновья Василий Александрович и Александр Александрович в своё время были штабс-ротмистрами 5-го гусарского Александрийского полка, потом воевали на стороне Белой Армии и, что вполне понятно, оба были вынуждены эмигрировать. Василий оказался в конечном счете в Эстонии, а Александр проделал долгий путь через Китай и Филиппины, добравшись в 1950 году до США.

У самого младшего сына Александра Александровича и его жены Параскевы Владимировны (урождённой Аристовой) (1 августа 1891 –

27 июня 1986) было двое детей: Алексей (23 августа 1917, Москва – 8 апреля 2006, Кастро Вaley, около Сан-Франциско) и дочь Ирина (5 августа 1922 – 15 ноября 1943). У Алексея не было детей ни от первого брака – с Еликонидой Николаевной Васкевич (1904 – 1988), ни от второго – с Валентиной Исаевой, приехавшей в США из СССР в 1991 году с двумя детьми от первого брака.

Алексей Александрович Карамзин стал художником и хранителем Музея русской культуры в Сан-Франциско и завещал семейный архив этому Музею. Хотя он состоит из 15 архивных коробок, в нём, к сожалению, нет ни одной фотографии А.Н.Карамзина, ни одного его документа. Тем не менее, удалось найти немного сведений о нём в письме Александра Александровича Алексею Александровичу от 2 октября 1961: «[...] В нашем роду выдающихся, согласно сведений которые я имею, было три. [...] 3. Александр Николаевич (мой отец) по научным трудам как орнитолог, как метеоролог был избран действительным корреспондентом Академии наук (таким же был и Колчак, за открытие северных путей в Сибирь, это послужило тому, что Колчак предоставил в распоряжение папы вагон, на котором наши родители и приехали от Уфы до Вайшахе), как образцово-культурный хозяин имел много специальных медалей (именных), последнюю получил за разведение леса в степи с изданным трудом о том за 40 лет, от министерства земледелия: именная медаль, денежная премия и художественное произведение. Благодаря революции не вручено.

Его орнитологическая коллекция находится в музее Академии наук, и Академия же издала его труд «Птицы Заволжья». Эта работа потребовала более 40 лет. Метеорологический труд заключался в исследовании климата Самарской губернии. Для этого отцом было создано до 30 станций (наблюдательных) по всей губернии, и эта работа продолжалась 35 лет. Его сотрудники получали награды от Императорской Павловской обсерватории, она же снабжала инструментами. Книга «Климат Самарской губернии» была издана Самарским губернским земством. В Харбине папа получил от Советской Академии наук просьбу разрешить выпустить второе издание этого труда, – папа дал согласие. У папы с правой стороны мундира было много знаков различных учёных обществ (они носят справа, а ордена слева). По окончании Горного института – инженером на Воткинском сталелитейном и оружейном заводе, получив в наследство имение, службу бросил. Был председателем земской управы, затем предводителем дворянства – 9 лет, затем был избран членом Государственного совета и от Г.С. имел несколько научных командировок. (Одной из них была командировка в имение Государя «Байрам Али» в Мургабе, по вопросу о хлопкоразведении. Там была в это время тётушка Мария Фёдоровна (Маруся), но она, кажется, не помнит о том).

Уйдя по болезни из Государственного совета, уже нигде не служил – отнялись ноги. В чинах он зашёл дальше Николая Михайловича, был в чине тайного советника и имел ленту и звезду Владимира Первой степени. Можно сказать, что в нашей губернии своей культурной деятельностью выделялся из всех, да и во Всероссийском масштабе был не из последних [...]».

Известно, что Александр Николаевич Карамзин оказался в Харбине в 1920 году. Похоже, он там ничем не занимался. В известном библиографическом труде Ольги Михайловны Бакич – Harbin Russian Imprints: Bibliography as History, 1898 – 1961 (New York and Paris: Norman Ross Publishing Inc., 2002) – не встречаются какие-либо книги или отдельные оттиски научных статей А.Н.Карамзина.

Трагически и тяжело сложилась судьба почти всех детей Александра Николаевича Карамзина. Судьба раскидала их по многим странам: России, Китаю, Эстонии и Америке.

Сам Александр Николаевич Карамзин с семьёй был вынужден спешно покинуть усадьбу. Часть имущества удалось спасти, и он с женой, сыном Сергеем и дочерью Татьяной уезжает из России в Китай, в Харбин. Через 10 лет, так и не сумев оправиться от пережитого в семнадцатом году потрясения, умирает. Вскоре умирает и Екатерина Васильевна. В Харбине остаются Сергей и Татьяна. После смерти Сергея в 1946 году Татьяна решает вернуться в Советский Союз. После возвращения на родину Татьяна жила в Москве. Умерла бездетной в 1974 году.

Старший сын Николай умер вскоре после революции от пневмонии, которую получил после купания зимой в полынье, спасая человека. Его потомки до сих пор живут в Петербурге.

Василий Александрович Карамзин жил в Эстонии, был женат на эстонской поэтессе Марии Гримм. После присоединения Эстонии к СССР был репрессирован и расстрелян в 1941 году (Коровина 2000; Карамзина 2008). Об Александре – младшем сыне А.Н.Карамзина, эмигрировавшем в Америку – мы уже кратко рассказали выше.

Орнитологические работы А. Н. Карамзина

Карамзин А.Н. 1901. Птицы Бугурусланского и сопредельных с ним частей Бугульминского, Бузулукского уездов Самарской губернии и Белебейского уезда Уфимской губернии // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. 5: С. 203-394.

Карамзин А.Н. 1909. Добавление к статье «Птицы Бугурусланского, сопредельных с ним частей Бугульминского, Бузулукского уездов Самарской губернии и Белебейского уезда Уфимской губернии» // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. 9: 247-284.

Карамзин А.Н. 1911. К орнитофауне Бугурусланского и Белебейского уездов // *Орнитол. вестн.* 1: 19-20.

- Карамзин А.Н. 1911. *Emberiza rustica* Pall. в Бугурусланском уезде Самарской губернии // *Орнитол. вестн.* 3/4: 295-296.
- Карамзин А.Н. 1912. К авифауне Бугурусланского уезда Самарской губернии // *Орнитол. вестн.* 2: 129-130.
- Карамзин А.Н. 1912. *Cygnus bewicki* Yarr. и *Grus leucogeranus* Pallas на зимовье в восточном Закавказье // *Орнитол. вестн.* 4: 304-305.
- Карамзин А.Н. 1913. К авифауне Бугурусланского уезда Самарской губернии // *Орнитол. вестн.* 1: 54.
- Карамзин А.Н. 1913. Орнитофенологические наблюдения в с. Полибино Бугурусланского уезда Самарской губернии. Весна 1913 года // *Орнитол. вестн.* 4: 346-349.
- Карамзин А.Н. 1914. К орнитофауне Самарской губернии // *Орнитол. вестн.* 1: 86 [2-е изд.: Карамзин А.Н. 2002. О чёрном жаворонке *Melanocorypha tatarica* в Самарской губернии // *Рус. орнитол. журн.* 11 (201): 978].
- Карамзин А.Н. 1914. Охрана зимовья птиц в юго-западной части Каспийского моря // *Дневн. 13-го съезда рус. естествоиспыт. и врачей.* Тифлис, 10: 452.
- Карамзин А.Н. 1914. К последнему налёту щура (*Pinicola enucleator*) // *Орнитол. вестн.* 1: 85 [2-е изд.: Карамзин А.Н. 2002. К последнему налёту щура *Pinicola enucleator* // *Рус. орнитол. журн.* 11 (188): 586].
- Карамзин А.Н. 1916. Козодой (*Caprimulgus europaeus* L.) – «путешественник» // *Орнитол. вестн.* 3: 189-190.
- Карамзин А.Н. 1916. Охрана зимовья птиц на юго-западном и южном побережье Каспийского моря // *Тр 13-го съезда рус. естествоиспыт. и врачей в г. Тифлисе 16-24 июня 1913 г.* Тифлис. Т. 6. Труды по различным секциям, специально касающиеся Кавказа: 121-125.
- Карамзин А.Н. 1916. Охрана зимовья птиц на юго-западном и южном побережье Каспийского моря // *Изв. Кавк. отд. РГО* 24, 1: 114-118.
- Карамзин А.Н. 1916. Ещё к вопросу о самостоятельности белокрылой сороки (*Pica leucoptera* Gould.) // *Орнитол. вестн.* 1: 45-49.
- Карамзин А.Н. 1916. Залёт красной утки в Бугурусланский уезд Самарской губернии // *Орнитол. вестн.* 1: 60-61.
- Карамзин А.Н. 1917. Птицы, наблюдавшиеся в окрестностях хутора Кумся, Актюбинского уезда Тургайской области // *Орнитол. вестн.* 2: 117-124 [2-е изд.: Карамзин А.Н. 2003. Птицы, наблюдавшиеся в окрестностях хутора Кум-Сая, Актюбинского уезда Тургайской области // *Рус. орнитол. журн.* 12 (215): 277-282].
- Карамзин А.Н. 1927. Ласточка даурская в Маньчжурии *Hirundo daurica* L. (*H. rufula*) // *Тр. Общ-ва изучения Маньчжурского края.* Зоол. 1: 36-40.

Литература

- Байков Н.А. 1927. А.Н.Карамзин (некролог) // *Тр. Общ-ва изучения Маньчжурского края.* Зоол. 1: 35-36.
- Кабанова Е.В. 2000. Полибино и Карамзины // *Краеведческие записки Самар. обл. ист.-краевед. музея им. П.В.Алабина* 9: 111-118.
- Карамзина М.В. 2008. *Ковчег: Стихотворения. Судьба. Памятные встречи. Письма И.А.Бунина к М.В Карамзиной.* Таллинн: 1-223.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 607: 1928-1929

Александр Николаевич Карамзин †

Н.А. Байков

*Второе издание. Первая публикация в 1927**

Помещённый в настоящем выпуске «Трудов Общества изучения Маньчжурского края» очерк «Даурская ласточка в Маньчжурии» принадлежит перу известного общественного и научного деятеля Александра Николаевича Карамзина, скончавшегося в Харбине 24 сентября 1927 года. Горный инженер по образованию, он всю свою долгую жизнь посвятил служению Родине изучением её богатой и разнообразной природы. В своём имении «Палибино» он организовал довольно крупную метеорологическую станцию, где им производились метеорологические наблюдения в течение 48 лет. Результатом этих наблюдений было издание книги «Климат Бугурусланского уезда». Труд этот, в своё время отмеченный Академией наук, имеет большое значение для сельского хозяйства всего Нижнего Поволжья, не говоря уже о чисто научном его значении.

Деятельность А.Н. Карамзина не ограничивалась одной Самарской губернией, где им были образцово поставлены различные отрасли сельского хозяйства и засажены лесами большие степные площади уезда. В Тургайских степях он разводил улучшенные породы тонкорунных овец, в Закавказье, в низовьях Куры, им положено начало усовершенствованному хлопководству. Как страстный любитель природы и естествоиспытатель, он всё своё свободное время посвящал изучению животного мира, главным образом птиц, и производил многолетние систематические наблюдения над жизнью последних и их гнездованием. Его труды по орнитофауне своевременно были по достоинству оценены Академией наук, а обширные сборы его обрабатывались нашими известными учёными: профессорами Мензбиром, Сушкиным и другими. Общественная деятельность Александра Николаевича выразилось в его службе по выборам в уезде, губернии и в

* Байков Н.А. 1927. А.Н. Карамзин (некролог) // *Тр. Общ-ва изучения Маньчжурского края*. Зоол. 1: 35-36 (Харбин. Изд-во ОИМК. Отд. тип. Кит. Вост. ж.д.).

Сенате, где он состоял по выборам от земства Самарской губернии. Разнообразная и плодотворная деятельность этого достойного человека и его многогранная жизнь, посвящённая исследованиям и изучению различных дисциплин и всевозможных отраслей знания, характеризуют его большой ум и незаурядное развитие моральных сил и способностей.

На склоне лет его постигла тяжкая болезнь, приковавшая его к постели. Несмотря на это, бодрость духа и юношеская свежесть ума не покидали Александра Николаевича до последнего вздоха. Он до самого конца интересовался окружающей жизнью и научной работой. Приехав в Харбин, он в марте 1922 года предпринимал некоторые шаги к учреждению в Харбине Музея.

Позднее, когда по инициативе общественных деятелей Харбина было организовано Общество изучения Маньчжурского края, Александр Николаевич не мог, к сожалению, принять личного участия в работах этого Общества, так как тяжёлая болезнь лишила его возможности двигаться.

Предложение вступить в члены Общества он весьма деликатно отклонил, говоря, что, не имея возможности принять активного участия в работах Общества, он будет чувствовать, что является для последнего только бременем.

Тем не менее, лёжа в постели, он не только интересовался деятельностью и жизнью нашего Музея, но и никогда не отказывал его работникам в своих дельных советах и указаниях.

Настоящая работа А.Н.Карамзина о даурской ласточке является результатом личных наблюдений над жизнью и гнездованием этой птицы на станции Вэйшахэ, где в 1920 году проживал Александр Николаевич, и затем в Харбине. Наблюдения производились им на веранде дома; он делал эти наблюдения больной, разбитый параличом, не имея возможности самостоятельно передвигаться.

Члены секции естественных наук Общества изучения Маньчжурского края в лице Александра Николаевича потеряли не только опытного и знающего естествоиспытателя-учителя, но и прекрасного отзывчивого человека.

Образ этого маститого старца надолго сохранится в памяти всех, его окружавших, и деятельность его да будет примером служения науке.

Даурская ласточка *Hirundo daurica* в Маньчжурии

А. Н. Карамзин

Второе издание. Первая публикация в 1927*

Самой птицы *Hirundo daurica* Linnaeus 1771 (= *H. rufula* Temminck 1835) я не имел в руках, хотя рассматривал часто так близко (с расстояния 1-1.5 м), что хорошо разобрал её оперение. Верхняя часть головы, спина, хвост, крылья чёрные с синим, стальным отливом; щёки бурые; полоска над глазом, виски и шея кирпично-красного цвета, такой же окраски и надхвостье. Нижняя часть тела белая с ржавым налётом по бокам и под хвостом, испещрённая узкими продольными чёрными чёрточками, более частыми и короткими на горле и верхней части зоба, и более длинными и редкими на груди и брюшке. Молодые птицы отличаются более грязным цветом своего оперения и короткими косицами. Упомяну, что на телефонной проволоке, на балконе, среди прочих, однажды, видел молодую ласточку, оперённую как *Hirundo rustica*, т.е. как деревенская ласточка, с ржавым цветом горла, отделённым от груди тёмным пояском, на груди и вообще нижней части тела чёрных чёрточек не было. Птичку эту заметил не один я, но и сын мой, бывший одновременно на балконе. Что это был за выродок, сказать не могу. Даурская ласточка оперением очень похожа на греческую *H. rufula*, водящуюся в Южной Европе; величиной, складом и повадками почти одинакова с нашей *H. rustica*, только косицы (крайние рули) у неё покороче, чем у последней.

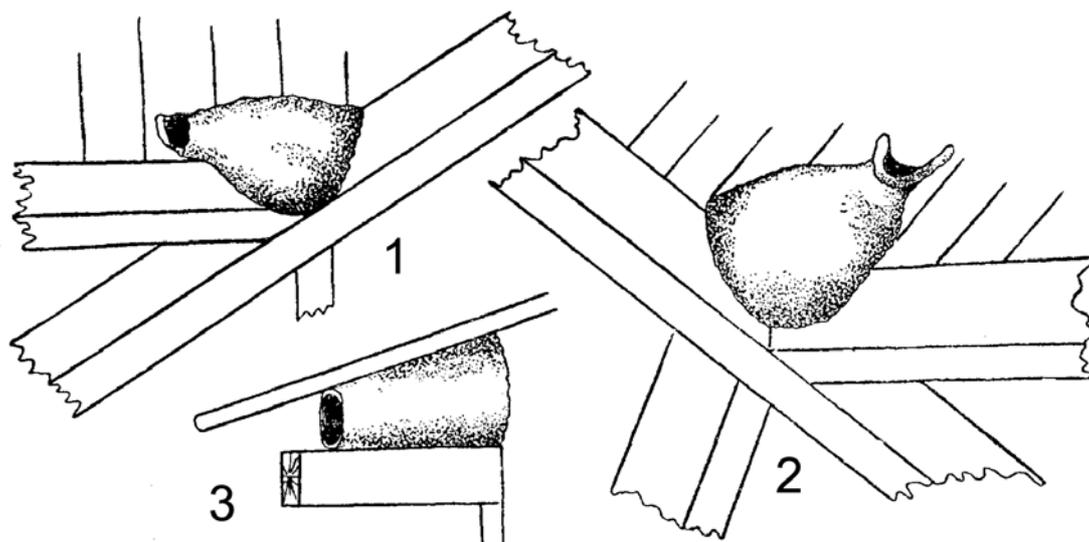
При движении моём на восток, ласточку с рыжим надхвостьем я впервые заметил в большом количестве на станции Иркутск; далее она встречалась всюду до станции Вэйшахэ Китайской Восточной железной дороги, до которой я доезжал. На станции Маньчжурия было много гнёзд этой ласточки, в которых 12 сентября 1919 находились не вылетевшие птенцы второго выводка. Как потом оказалось, ласточка эта обыкновенна и встречается в большом количестве всюду в селениях и по железнодорожным станциям.

Весной на станции Вэйшахэ ласточки прилетели в 1920 году 28 апреля (нов. ст.); в этот день замечено 5 штук; летали у станционных зданий; 3 мая 2 штуки сидели на телеграфной проволоке, 4 птицы ле-

* Карамзин А.Н. 1927. Ласточка даурская в Маньчжурии *Hirundo daurica* L. (*H. rufula*) // Тр. Общ-ва изучения Маньчжурского края. Зоол. 1: 36-40 (Харбин. Изд-во Общества изучения Маньчжурского края. Отд. Тип. Кит. Вост. ж.-д.). Написана в 1924 г.

тели низко с юга на север. 6 мая ещё летела одна в том же направлении. 12 и 13 мая шёл валовой пролёт ласточек, целые дни поодиночке и парами с востока и юго-востока на запад и юго-запад. У *Hirundo daurica* характер весеннего пролёта такой же, как и у *H. rustica*: больших стай нет, а птицы летят поодиночке, парами и небольшими стайками в 3-5 шт., врассыпную.

С прилёта в 1920 году даурские ласточки не сразу приступили к гнездовью, а лишь через 20 дней. Не знаю, гнездится ли описываемый вид в скалах сопок, окружающих станцию Вэйшахэ, но я видел много гнёзд, прилепленных ко всем стационарным зданиям, а особенной любовью пользуются водонапорные башни стационарных водокачек. Для прикрепления гнёзд выбираются такие места, куда не попадает косой дождь и потоки воды с крыш, как, например, те навесы крыш, которые наклонены к стене строений под более или менее острым углом, а не под прямым. Вот почему не строятся гнёзда под навесами крыш над фронтонами, плоскости которых сходятся друг с другом под прямым углом.

Гнёзда даурской ласточки. Рисунки с натуры.

Форма гнёзд даурской ласточки отличается от таковых деревенской *H. rustica*. В то время, как у последней гнездо представляет четверть шаровой поверхности, у даурской оно имеет вид груши, разрезанной пополам по длинной оси, и прилепленной плоскостью сечения к подшивке какого-нибудь навеса, а задней широкой частью оно прислонено к стене, стропилу или какому-нибудь другому перекладу под навесом. У внешнего узкого конца гнезда имеется входной рукав, иногда короткий, или вытянутый трубкой, слегка отогнутый в сторону.

Гнездо даурской ласточки гораздо больше и массивнее, чем у деревенской: размеры его 25-30 см длины и 13-18 см ширины. Гнездо

строится постепенно поясами из маленьких кусочков сырой глины с горошину величиной, приносимых птицами в клюве. Прицепляясь к краю гнезда или залезая в него, ласточки прижимают глину к строящемуся краю, держа её в таком положении с минуту, пока глина не пристанет. Материал для гнезда берётся на мокрых местах. Иногда глина бывает разного цвета, почему гнёзда состоят из частей то более светлой, то тёмной окраски. На рисунке изображены гнёзда даурской ласточки, выстроенные под подшивкой крыши балкона обитаемого мною дома. У гнезда № 1 выходная трубка короткая, у № 2 длинная, слегка изогнутая, причём часть её разрушена.

В Вэйшахэ весной 1920 года ласточки приступили к гнездованию 18 мая, одна пара птиц начала лепить гнездо под навесом крыши каменного стационарного пакгауза. Через два дня гнездо вывели на 1½ дюйма от стены, и ещё через два дня, 22 мая, оно имело вид сегмента шара, узкими концами прикреплённого к дощатой подшивке крыши, а всем заднем краем к каменной стене здания. В нижней широкой части оно имело 3 дюйма и в верхней – 2 дюйма. 26 мая гнездо почти достраивается, на другой день оно имело вид четверти эллипсоида, ось которого к стене здания наклонена под углом на север. Наконец, 30 мая у гнезда выведена входная трубка в 3 дюйма длины с отверстием в 2 дюйма, и тем постройка закончена; строилось оно, благодаря хорошей погоде и энергии птиц, всего 12 дней. Из двух старых гнёзд, прилепленных к потолку балкона, одно (№ 1 на рисунке) занято полевыми воробьями *Passer montanus* ещё до прилёта ласточек, другое (№ 2 на рисунке) начали ремонтировать ласточки. 25 мая одна пара приступила к выбрасыванию из него старой подстилки, пуха и перьев, 30 мая в гнезде пробито два отверстия, одно на дне, другое в боковой части, которые заделаны к 5 июня, а 8 июня оттянута, хотя и не вся, входная трубка. 7 июня две пары ласточек завили два гнезда, одно под напуском крыши у северо-западной стены дома, где, прилепив несколько комочков глины, птицы постройку гнезда не продолжали и на другой день её бросили, а другое у северного карниза балкона строилось всего 8 дней. Это гнездо строилось всего быстрее, и оно же является самым маленьким из всех наблюдавшихся: имеет вид полугруши в 17-18 см в длину. Задним концом гнездо прислонено к стропилу, а правым боком к северному карнизу балкона. Входной трубки не имеется. 13 июня ласточки завили ещё два гнезда под свесом крыши стационарного пакгауза, одно у восточной, а другое у западной стороны здания, которые окончены 4 июля, т.е. строились 20 дней. Постройка их затянулась ненастьем. 8 июля завиты ещё два гнезда, одно под крышей балкона над входом в него, другое под свесом крыши у юго-западного угла балкона; постройка первого шла лениво, проходили целые дни без работы, ласточки где-то пропадали, наконец, выведя половину высо-

ты стенок, работу окончательно прекратили 16 июля. Что заставило птиц бросить выведенные так высоко стенки своей постройки, не знаю.

Второе гнездо у юго-западного угла балкона было достроено в 10 дней, благодаря стараниям самца и самки, строивших гнездо совместно; кроме того, птицы умно использовали удобства места постройки, чем и сократили свою работу. Они основали гнездо на выдающемся конце переклада, вывели от него две стенки кверху до подшивки нависшей крыши, чем и образовали замкнутую полость гнезда. Чертёж № 3 (см. рисунок) схематически изображает это гнездо. Наконец, упомяну, что под навесом крыши с восточной стороны дома 13 мая завито гнездо и окончено в 17 дней.

Я так долго остановился на описании витя гнёзд даурской ласточки потому, что имел возможность тщательно и подробно изучить этот процесс и хотел своими наблюдениями поделиться с другими. Всего рельефнее бросается в глаза эта растянутость и продолжительность строительного сезона. Он длился два месяца: начался с 18 мая и кончился 18 июля; быть может, это произошло случайно, благодаря тому, что из прилетевших в Вэйшахэ весной ласточек многие лишились своих гнёзд, сгоревших вместе со стационарной водокачкой в январе месяце. Это обстоятельство заставило владельцев погибших гнёзд потратить немало времени на подыскание мест для гнездовья и на саму постройку. Время, употребляемое на постройку каждого гнезда, колеблется от 8 до 20 дней, скорость окончания зависит от состояния погоды, размеров гнезда и трудолюбия птиц.

Закончив постройку гнезда, натаскав в него подстилку, пара тотчас приступает к размножению и начинает нести яйца; так, например, отстроив гнездо у юго-западного угла балкона 18 июля, ласточки 20 июля уже совокуплялись, сидя на телеграфной проволоке. После починки гнезда у потолка балкона (№ 2) самка через 20 дней (28 июня) высидела птенцов, что можно было заключить из того, что под гнездом на полу балкона три дня подряд я находил утром скорлупы беленьких яичек. 11 июля один птенец, хорошо оперившийся, упал из гнезда;— его посадили обратно туда же. 21 июля вылетел старший, а 25 июля и два остальных птенца. До 30 июля молодые ласточки возвращались в гнездо, после чего совсем покинули его. В это время видно было много летающих и сидящих на проволоках молодых птиц первых выводков. Родители кормили, учили их летать, сталкивая с места сидения, когда они ленились. Во время насиживания и кормления детей самец улаживает самку своей тихой и простой песенкой; «*Чьи, чью, тюр, люр, люр...люр*». Призывный крик — простое «*чвить*». Вообще даурская ласточка молчаливее деревенской *H. rustica* и песнь её тише и проще. К человеку она относится очень доверчиво.

Как только 30 июля птенцы первого выводка покинули гнездо на балконе (№ 2 на рисунке), старики не медля приступили к вторичному выводу детей. 18 и 19 августа я нашёл под гнездом яичные скорлупки с разбитым тупым концом, выброшенные после вылупления птенцов. 13 сентября вылетел первый птенец, в гнезде видны ещё два вполне оперившиеся, которые 16 сентября тоже выпорхнули, но ночевать прилетали в гнездо до 21 сентября, после чего совсем его покинули. 13 сентября ласточки состадились, в стаях много молодых с короткими косицами. 19 сентября заглодало, стаи ласточек увеличились подлетевшими с севера. Много их летает кругом зданий и сидит на телеграфных проволоках. 21 сентября шёл в саду обильный листопад. 23 сентября не видал ни одной ласточки, нет сомнения, что большинство их отлетело. 25 сентября видел три молодых ласточки, летели на юг; 26 сентября видел ещё одну под вечер, летала около гнезда у пакагуза; наконец, 3 октября, когда потеплело перед грозой, видел последнюю ласточку. Так отлетели ласточки осенью 1920 года.

Осенью 1919 года я приехал на станцию Вэйшахэ Китайской Восточной железной дороги 16 сентября, ласточек застал ещё на летних квартирах, большие стаи их ежедневно летали около зданий, присаживаясь на них, особенно на станционную водокачечную башню, под навесом крыши которой было наклеплено много гнёзд. Отлёт совершился также дружно, хотя и значительно позднее, чем в 1920 году. Осень стояла долго тёплая, и ласточки пропали сразу 25 октября с наступлением холодов.

Как видно, перед отлётом даурские ласточки собираются в большие стаи, как и наши деревенские, хотя самый отлёт у первых происходит почти внезапно и во всяком случае много дружнее, чем у последних. Объяснить это можно тем, что осенние изотермы в Маньчжурии гораздо ближе друг к другу, чем в Европейской России, почему даурская ласточка имеет возможность держаться места гнездовья до последней крайности и при наступлении холодов пролететь недалеко, чтобы попасть вновь в тёплый и изобилующий насекомыми край. Не то для нашей деревенской ласточки: её нужно сниматься с летних мест обитания заблаговременно, иначе в холодное время придётся пролетать полуголодной большие пространства. Вот почему слабая молодёжь вторых выводков даурской ласточки, сегодня покинув гнездо, завтра решается отлетать на юг, предчувствуя, что на первый раз перелёт их сравнительно короток, а потом, окрепнув, долетит и до мест зимовок.

В Харбине весной 1921 года ласточки прилетели 3 мая, когда видел в разное время трёх, под вечер; они кружились около строений Корпусного Городка. На другой день 4 мая весь день летели поодиночке, держали путь на север, при встречном ветре. Некоторые ласточки присаживались даже на землю. 5 мая видел всего две птицы. К

какому виду принадлежали ласточки, виденные мною 3 и 4 мая, сказать не могу, я их плохо рассмотрел, они быстро пролетали, а воздух был мутный от поднятой ветром пыли. Но 7 мая и в следующие дни я наблюдал несколько птичек, по оперению тождественных с деревенской ласточкой *H. rustica*. Надхвостье у них было чёрное, а не рыжее, и под горлом буро-рыжая окраска. Теперь понятно, откуда взялась в Вэйшахэ молодая ласточка с ржавым горлом: деревенские ласточки живут рядом с даурскими. Наблюдавшиеся деревенские ласточки часто влетали на чердаки строений, подыскивая место для гнездовья. Это тоже характерно для этого вида, тогда как даурская ласточка гнездится хотя под навесом крыш, но всегда снаружи строений.

Хорошо знакомый с Маньчжурией охотник-натуралист Николай Аполлонович Байков сообщил мне, что гнездовой ласточки даурской *H. daurica* в скалах он ни разу не наблюдал.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 607: 1935-1943

Дорастание гнездового наряда и постювенальная линька обыкновенной каменки *Oenanthe oenanthe* на северном пределе ареала

В.Н. Рыжановский

Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН,
ул. 8 марта 202. Екатеринбург. 620219. Россия. E-mail: ryzhanovsky@ecology.uran.ru

Поступила в редакцию 20 октября 2010

Из всех птиц семейства Turdidae обыкновенная каменка *Oenanthe oenanthe* является видом с самыми северными пределами распространения: она гнездится в арктических тундрах острова Вайгач; на Новой Земле (Калякин 1999); на северной оконечности полуострова Ямал, возможно, на острове Белый, т.к. птицы встречены в августе (Дмитриев и др. 2006); на севере Гыданского полуострова (Жуков 1998; Емельченко 2006) и в более восточных частях тундр Сибири. Каменка – насекомоядная птица, но при отсутствии беспозвоночных может питаться семенами злаков (Данилов и др. 1984). Гнездование в укрытиях сближает каменку с пуночкой *Plectrophenax nivalis* и белой трясогузкой *Motacilla alba*, факультативная растительноядность – с лапландским подорожником *Calcarius lapponicus*. Отличие от этих видов состоит в более коротком периоде пребывания каменки в гнездовом районе. В

Ямало-Ненецкий автономный округ, на широту Полярного круга, каменки начинают прилёт в последних числах мая – первой декаде июня, через 40-50 дней после первых пуночек и 15-30 дней после первых белых трясогузок, одновременно с прилётом большинства видов воробьиных птиц Нижнего Приобья, включая подорожников (вторая волна прилёта), при положительных температурах воздуха. Отлёт каменок из Нижнего Приобья наблюдается в конце августа – первой половине сентября (вторая волна отлёта воробьиных), до первых снегопадов, замерзания небольших водоёмов, одновременно с началом отлёта белых трясогузок и подорожников, за месяц до начала пролёта пуночек. Общая продолжительность сезона пребывания каменки на юге Субарктики (от прилёта первых до отлёта последних) составляет в разные годы от 100 до 120 дней против 114-139 дней у белой трясогузки (Рыжановский 2005а).

В арктические тундры Северного Ямала каменки должны прилетать не раньше лапландских подорожников, т.е. в первой декаде июня, но позднее белых трясогузок и тем более пуночек, и отлетать в третьей декаде августа – начале сентября при продолжительности сезона пребывания в гнездовом районе 80-100 дней. Продолжительность сезона пребывания на северном пределе ареала, на острове Белый и у пролива Малыгина, не должна превышать 70-80 дней, что не больше длительности безморозного периода в этом районе и почти вдвое меньше вегетационного периода у растений.

Несомненно, сезонные явления летней части годового цикла каменки в северной части ареала очень плотно «входят» в период положительных температур за счёт их сокращения, что характерно для северных воробьиных. Повсеместно низкая численность вида в Субарктике не позволяет изучить все явления весенне-летне-осенней части годового цикла, но в распоряжении автора имеются небольшие материалы, характеризующие особенности постювенальной линьки каменки в Нижнем Приобье и на Среднем Ямале. Поскольку этот процесс у воробьиных имеет значительную внутривидовую, географическую, популяционную, временную изменчивость, предлагаемые в настоящей работе материалы, с учётом обширного ареала вида, представляют определённый интерес. Общие черты линьки каменки в Нижнем Приобье рассмотрены ранее (Рыжановский 1997). Линьку каменки в Приладожье изучала И.Б.Савинич (1983, 1990).

Материал и методы

Основной район работы – окрестности Лабытнанги (Приобская лесотундра, 66°40' с.ш. 66°40' в.д.), где начиная с 1978 года отлавливали молодых птиц на разных этапах линьки. Поскольку в лесотундре каменки малочисленны, в период послегнездовых кочёвок придерживаются плакоров, в пойме Нижней Оби они отлавливались редко. В общей сложности за 1978-1988 годы описана линька 27 птиц.

Взрослые каменки во второй половине лета в пойму, видимо, не спускаются, т.к. не встречались и не отлавливались, поэтому сведений об их линьке нет.

Птенцов для выкармливания и передержки при разных фотопериодических условиях удалось взять из гнезда, найденного в городе Лабытнанги (2 птенца) и из 2 гнёзд (5 и 6 птенцов), найденных на Среднем Ямале, в подзоне мохово-лишайниковых тундр (70°40' ш. 66°40' в.д.). Птенцов кормили животным кормом (муравьиные коконы, личинки мучного хруща, творог, куриное яйцо) в условиях естественного фотопериода широты Полярного круга (24С:0Т в июне и первой половине июля; тёмные, ежесуточно увеличивающиеся на 7-8 мин ночи со второй половины июля); естественного фотопериода Северного Ямала (24С:0Т до середины августа) с переводом на естественный день Нижнего Приобья в начале сентября, т.е. с середины августа до начала сентября фотопериод оставался длиннодневным (сокращающийся день от 16С:8Т в середине июля до 12С:12Т в конце августа).

Описание состояния оперения проводили по методике Г.А.Носкова и Т.А.Рымкевич (1977); в их статье опубликована полная схема расположения птерилий и их отделов у воробьиных птиц. Анализ весьма растянутого процесса линьки требует его деления на ряд стадий, выделяемых по участию в ней разных птерилий. И.Б.Савинич (1990) для молодых птиц Приладожья выделила 5 стадий линьки, мне удалось выделить 7 стадий.

Результаты исследований и обсуждение

Дорастание гнездового наряда. Слётки каменки к моменту оставления гнезда в 12-13-дневном возрасте имеют растущие центральные ряды контурного оперения головы и туловища (на брюшной, спинной, плечевой, бедренной, голенной, анальной птерилиях), верхние и нижние кроющие рулевых, верхние кроющие маховых перьев. Из нижних кроющих маховых в гнезде выросли средние нижние кроющие второстепенных маховых и кроющие третьестепенных маховых. Рулевые и маховые перья не превышают трети полной длины.

Часть юношеского оперения, которая не сформировалась в период нахождения в гнезде, вырастает после вылета. Начинается этот процесс, называемый дорастанием, в 13-15-дневном возрасте на нижних отделах крыловой птерилии с больших и средних кроющих первостепенных маховых и средних нижних кроющих второстепенных маховых. Дорастают также нижние маргинальные и нижние кроющие плеча. Формирование этих перьев заканчивается к 25-30-дневному возрасту. В возрасте 15-20 дней начинается рост дополнительной части перьев на периферии спинной птерилии, в возрасте 20-25 дней дорастание распространяется на брюшную, плечевую, бедренную, голенную и анальную птерилии. Заканчивается процесс дорастания к 35-дневному возрасту. К этому времени каменки на Севере уже интенсивно линяют – совмещение дорастания гнездового наряда и постювенальной линьки у них является правилом. Нет различий в возрасте дорастания у наших и ладожских птиц; у последних с дорастанием совмещены первые 3 (из 5) стадии линьки (Савинич 1990).

Постювенальная линька. Обыкновенные каменки из Нижнего Приобья в природе и в вольерах, а также со Среднего Ямала в вольерах при естественном для района вылупления режиме освещённости имеют одинаковую, значительную по объёму полноту линьки. На голове и туловище заменялись все перья, начавшие формирование в гнездовое время; на крыле всем осмотренным птицам свойственна линька внутренних (17-е, или 17-е и 18-е, или 17-20-е) больших верхних кроющих второстепенных маховых, всех средних и малых верхних кроющих второстепенных маховых, кроющих крылышка, верхних и нижних кроющих пропатагиальной складки, верхних и нижних кроющих кисти, средних нижних кроющих второстепенных маховых, нижних кроющих третьестепенных маховых. У большинства птиц заменяются средние верхние кроющие первостепенных маховых. У некоторых пойманных в природе молодых каменок отмечена замена карпального кроющего. Поскольку это перо меняется очень быстро, вероятно, его линька весьма обычна.

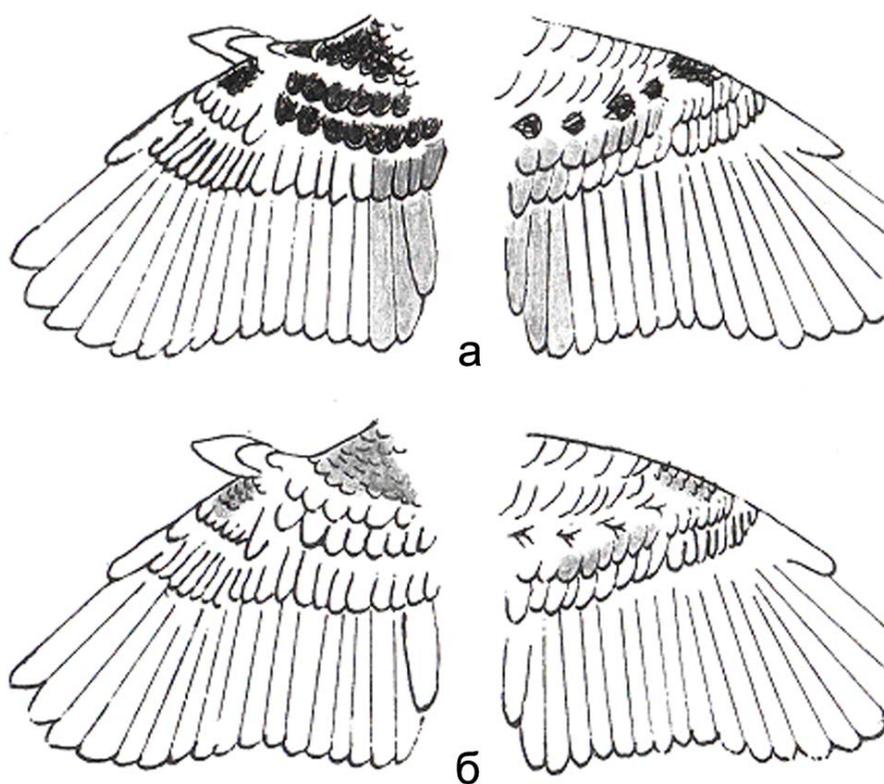

Рис. 1. Полнота постювенальной линьки обыкновенной каменки *Oenanthe oenanthe* со Среднего Ямала: а) при естественном (24С:0Т, постоянный до 1 сентября), б) при короткодневном (16С:8Т, сокращающийся) фотопериодах. Чёрный цвет – линяет у всех птиц, серый – линяет у части птиц; белый – не линяет.

У вольерных птиц при естественных фоторежимах Нижнего Приобья ($n = 2$) и Среднего Ямала ($n = 5$) сменились перья всех перечисленных отделов, кроме карпального кроющего (рис. 1). У одной моло-

дой каменки со Среднего Ямала из последней группы отмечена линька всех третьестепенных маховых. Сокращение полноты линьки среднеямальских каменок, выкормленных и передержанных при коротком сокращающемся дне, было очень значительным: не заменялись не только все верхние и нижние кроющие маховых, но верхние и нижние кроющие хвоста; у одной птицы не заменились центральные ряды плечевой птерилии. Следует отметить, что среди 17 пойманных в Нижнем Приобье каменок было 5 особей у которых на 3-й стадии не заменялись верхние кроющие хвоста, но обычно они на этой стадии уже линяют. Возможно, эти перья не заменятся и позднее.

Полнота линьки молодых каменок Нижнего Приобья в природе почти не отличается от полноты линьки этих птиц в Приладожье (Савинич 1990). Однако европейские каменки заменяли все или бóльшую часть больших верхних кроющих второстепенных маховых; у наших птиц в клетках и в природе линяли не более 2-4 внутренних перьев отдела, или эти перья не заменялись вообще. Линька третьестепенных маховых у птиц Приладожья не отмечена. Поскольку отличия касаются групп крупных перьев, возможно, они не случайны и мы имеем дело с популяционными различиями.

Общая последовательность линьки каменки не отличается от таковой у варакушки *Luscinia svecica* с теми же признаками выделения стадий (Рыжановский 1988). Линька начинается (1-я стадия) с появления трубочек новых перьев в центре ветвей грудного отдела брюшной птерилии и на спине. На 2-й стадии в линьку включается плечевая и бедренная, анальная птерилии, где появляются зачатки новых перьев. Для 3-й стадии характерна линька всех птерилий головы и туловища, в том числе верхних и нижних кроющих хвоста при отсутствии линьки на крыле. 4-я и 5-я стадии характеризуются интенсивной линькой всех птерилий, в том числе линькой кроющих крыла, причем на 4-й стадии линька крыла начинается, а на 5-й заканчивается. Верхние кроющие пропатагиальной складки начинают линять на 2-3-й стадиях и заканчивают на 4-й. 6-я стадия характеризуется окончанием роста перьев (преобладают перья в фазе кисточек и чехликов) на всех птерилиях, за исключением брюшной и спинной. На последней, 7-й стадии растущее перо занимает вентральный отдел брюшной птерилии, крестцовый отдел спинной, могут долинивать кроющие (в фазе чехликов) на некоторых отделах других птерилий.

Судя по состоянию оперения, в природе линька молодых каменок начинается в возрасте старше 25 дней. В клетках 2 птицы из Нижнего Приобья при естественном дне начали линьку в 25 и 29 дней. Каменки со Среднего Ямала при коротком дне начинали линьку в 26-27, в среднем 26.4 ± 0.2 дня ($n = 6$), при естественном фотопериоде Среднего Ямала линьку они начали в 22-27, в среднем 24.2 ± 1.0 дня ($n = 5$) По

этому признаку северные каменки не отличались от нижнеобских. Несомненно, возраст начала линьки у всех птиц контролируется эндогенно. В Приладожье линька начинается в этом же возрасте – на 27-32, в среднем 29.4 ± 1.1 день жизни ($n = 26$) (Савинич 1990).

В вольере при естественном световом режиме Нижнего Приобья две молодые каменки заменили оперение за 51 и 45 дней. Птицы, взятые из гнёзд на Среднем Ямале при фотопериоде 24С:0Т до конца августа (в природе такой фотопериод имеет место на арктических островах) линяли 48-57, в среднем 51.2 ± 0.6 дней; при сокращающемся дне (16С:8Т) линька длилась 23-36, в среднем 27.0 ± 2.5 дня. Сокращение длительности соответствовало сокращению полноты: самая короткая линька была у особи с минимальной полнотой линьки (не перелиняли кроющие крыла, рулевых, плеча).

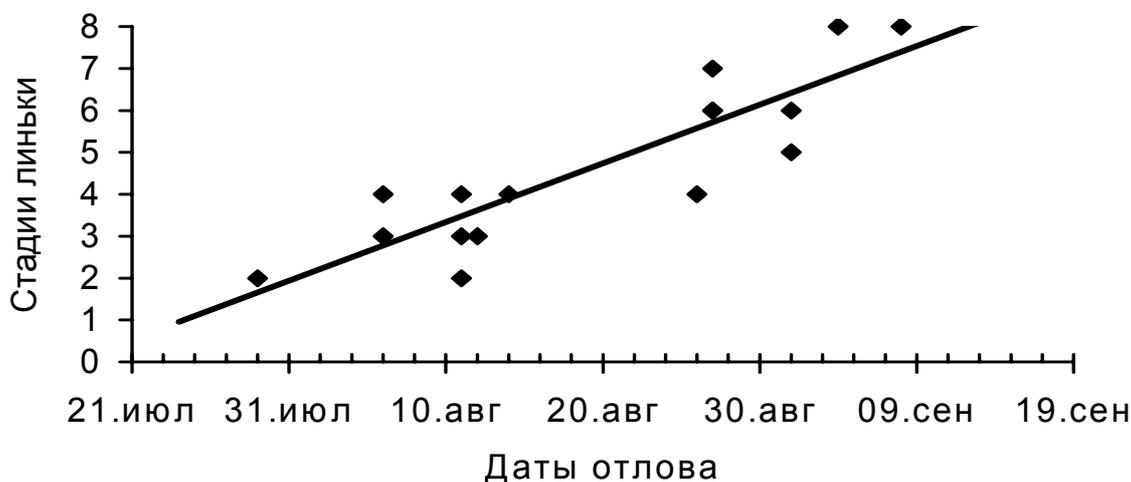

Рис.2. Сроки отлова линяющих молодых каменок *Oenanthe oenanthe* в Нижнем Приобье. Каждая точка – одна птица. 0 – линька не началась, 8 – линька закончилась. Линия регрессии соединяет вероятные даты начала и окончания линьки в популяции.

В окрестностях посёлка Октябрьский между 12 августа и 3 сентября поймано 15 молодых каменок на разных стадиях линьки, а ещё 2 птицы, пойманные 4 и 7 сентября, были в новом наряде (рис. 2). Линия регрессии, построенная по датам отлова, указывает на следующие даты: начало – 24 июля, конец – 12 сентября, длительность линьки – 50 дней. Правда, здесь объединены данные за год с поздней весной (1978) и годы с обычной весной. В действительности же в природе большинство молодых каменок заменяют оперение, по-видимому, за 40-45 дней. Такая же продолжительность постювенальной линьки (40-45 дней) приводится и для Приладожья (Савинич 1990).

Самые северные каменки, вероятно, совмещают последние этапы линьки с началом миграции. В Нижнем Приобье пролёт этого вида заканчивается к середине сентября, две последние пойманные сетями

каменки были в новом наряде, но без видимых жировых резервов (балл «мало»). У клеточных птиц ожирение (балл «средне») начиналось на 7-й стадии линьки или одновременно с её окончанием. Каменки, жившие в вольере при естественном фотопериоде, начали ожирение в возрасте 63-70, в среднем 68.3 ± 1.2 дней ($n = 6$). Птицы группы короткого дня закончили линьку в более раннем возрасте, соответственно, у них раньше началось и миграционное ожирение – в возрасте 50-55, в среднем 53.6 ± 1.0 дней ($n = 5$): у двух птиц одновременно с окончанием линьки, у трёх – через 4-6 дней.

Заключение

Сопоставление основных характеристик постювенальной линьки обыкновенной каменки с линькой белой трясогузки, лапландского подорожника, пуночки (Рыжановский 2005б, 2006, 2008), т. е. с линькой видов, проникающих на север Субарктики и даже в Арктику (пуночка), выявило основное различие – сроки начала линьки пуночки со Среднего Ямала контролируются фотопериодом при эндогенном контроле у каменки, белой трясогузки и подорожника. Нет существенных межвидовых различий в полноте линьки, но у части каменок заменяются третьестепенные маховые, что известно для северной варакушки и белобровика *Turdus iliacus*, не проникающих так далеко на север. Для каменки следует отметить существенное (распространяется не только на крыловую птерилию, но и на хвостовую и плечевую) сокращение полноты при содержании в условиях достаточно короткодневного (16С:8Т, сокращающийся день) фотопериода. У пуночки и подорожника Среднего Ямала сокращение полноты при подобных условиях распространялось только на крыло. Подобное сокращение (только на крыле) было и у белой трясогузки, но при фотопериоде 12С:12Т (постоянный) сокращение было столь же значительным, как у каменки при 16С:8Т (Рыжановский, в печати). Это даёт основание считать, что каменки реагируют на сокращающийся день более интенсивным сокращением числа линяющих перьев и отделов птерилий, чем остальные воробьиные арктических тундр.

Индивидуальная длительность линьки каменки при фотопериоде арктических островов (24С:0Т до конца августа) не превышает 45-57 дней. Но на арктических островах гнездится только отлетающая «по предзимью» пуночка. В арктических тундрах все виды вторую половину линьки проводят при сокращающемся дне, затрачивая на замену оперения 40-50 дней. Это общая для всех северных воробьиных величина при близкой полноте линьки. Возможности к быстрому окончанию линьки в условиях интенсивно сокращающейся длины дня второй половины августа – начала сентября у разных видов различны. В одних и тех же экспериментальных фотопериодических условиях «ко-

роткого дня» каменки заканчивали линьку вдвое быстрее, чем пуночки, подорожники, белые трясогузки, что связано с более значительным сокращением количества участвующих в линьке отделов оперения. Но большинство воробьиных Субарктики совмещают вторую половину линного процесса с формированием миграционного состояния, что позволяет включиться в миграцию до окончания регенерации оперения. Каменки не отлетают до окончания линьки, но при необходимости (поздняя весна, повторная кладка) быстро её заканчивают. По моему мнению, это основное отличие летней части первого годового цикла обыкновенной каменки от этой части жизненного цикла у других воробьиных птиц Субарктики.

Литература

- Данилов Н.Н., Рыжановский В.Н., Рябицев В.К. 1984. *Птицы Ямала*. М.: 1-331.
- Дмитриев А.Е., Емельченко Н.Н., Сладкевич В.Я. 2006. Птицы острова Белого // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 57-67.
- Жуков В.С. 1998. К фауне и распространению птиц на северо-востоке Западной Сибири // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 67-77.
- Емельченко Н.Н. 2006. Орнитофауна северо-восточного побережья Гыданского полуострова // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 68-73.
- Калякин В.Н. 1999. Птицы Новоземельского региона и Земли Франца-Иосифа // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 109-136.
- Рыжановский В.Н. 1988. Послегнездовой период жизни варакушки (*Luscinia svecica*). Распадение выводков и постювенальная линька // *Зоол. журн.* **67**, 3: 68-78.
- Рыжановский В.Н. 1997. *Экология послегнездового периода жизни воробьиных птиц Субарктики*. Екатеринбург: 1-282.
- Рыжановский В.Н. 2005а. Сроки и продолжительность сезонных явлений годового цикла жизни воробьиных Субарктики на примере птиц Нижнего Приобья // *Сиб. экол. журн.* 3: 475-487.
- Рыжановский В.Н. 2005б. Линька пуночки *Plectrophenax nivalis* // *Рус. орнитол. журн.* **14** (295): 687-696.
- Рыжановский В.Н. 2006. Доказательства существования и границы распространения на п-ве Ямал высокоширотной популяции белой трясогузки (*Motacilla alba*) // *Экология* 2: 134-139
- Рыжановский В.Н. 2008. Линька лапландского подорожника *Calcarius lapponicus* // *Рус. орнитол. журн.* **17** (424): 915-925.
- Носков Г.А., Рымкевич Т.А. 1977. Методика изучения внутривидовой изменчивости у птиц // *Методика исследования продуктивности и структуры видов в пределах их ареалов*. Вильнюс, 1: 37-48.
- Савинич И.Б. (1983) 2009. К биологии каменки *Oenanthe oenanthe* на северо-востоке Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* **18** (485): 853-854.

Савинич И.Б. 1990. Каменка – *Oenanthe oenanthe* (L) // *Линька воробьиных птиц Северо-Запада СССР*. Л.: 66-67.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 607: 1943

Материалы по питанию филина *Bubo bubo* в Южном Приморье

Н.Н.Пугачук

*Второе издание. Первая публикация в 1974**

Наблюдали за гнездом уссурийского филина *Bubo bubo ussuriensis* Ролуаков 1915 с двумя птенцами. Разборка 389 различных пищевых остатков, собранных с 25 мая по 30 июня 1969, показала следующее. В пищевых остатках надкрылья божьих коровок составили 0.7%, панцири дальневосточных раков – 1.3%, рыбы (в основном краснопёрка и молодь симы) – 1.5%. От млекопитающих обнаружены 196 фрагментов (50.4%), это – остатки молодого кабана, ежей, зайцев, мелких куньих, мелких грызунов (полёвки, лесные мыши, бурундуки и др.). Птицы встречены в 216 остатках (55.5%): кулики, куриные (рябчик, фазан), утки-мандаринки, тетеревятник, совы (длиннохвостая неясыть). Молодые птицы составляли 94% от всех птиц.

* Пугачук Н.Н. 1974. Материалы по питанию филина (Южное Приморье) // *Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф.* М., 2: 111.